

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ ГЕРМАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

*Нитхаммер Л. Фрагменты немецкой памяти*¹. М. (в печати).

Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова; Отв. сост. И.А. Зюзина, Л.Б. Милякова, Е.С. Розенблат, И.Э. Еленская, при уч. В.Т. Середы. М., 2007.

Устная история – направление в исторической науке, которое существует уже более полувека. Считается, что зародилось оно в США в конце 40-х годов XX в., – точнее, тогда началось его существование как признанной академической дисциплины, после того как в 1948 г. при Колумбийском университете в Нью-Йорке был создан Исследовательский центр по изучению устной истории. И именно в Америке оно получило, пожалуй, наибольшее развитие: на сегодняшний день в США действуют свыше тысячи университетских программ по изучению устной истории.

Лишь постепенно интерес к этому направлению распространился и в другие страны, и только с 70-х годов можно было говорить о нем как о явлении в мировой исторической науке. Академическое признание и институциональное оформление устной истории происходили не без борьбы. В борьбе этой играли свою роль и вненаучные факторы – такие, как левые политические симпатии, интерес к культуре и языку рабочего класса, к его опыту и мировоззрению. На волне такого интереса к “безмолвствующему большинству” Новейшего времени возник в 1971 г. журнал “Oral History”, а несколько позже появилось в Великобритании и ученое общество с одноименным названием, во главе которого стал один из пионеров устной истории в Соединенном Королевстве, да и вообще в Европе – Пол Томпсон.

Работы Томпсона стали важными вехами на пути развития устной истории. Прежде всего это касается выдержавшей три издания на английском языке и ставшей классической его книги “Устная история. Голос прошлого”, русский перевод которой появился в 2003 г.²

В нашей стране институциональное оформление устной истории началось только недавно, но фактически интерес к устным рассказам как историческим свидетельствам – особенно по темам, недостаточно обеспеченным письменными документами, – возник уже три-четыре десятилетия назад, причем изначально не в среде собственно историков, а среди представителей смежных дисциплин или среди людей, занимавшихся не столько наукой, сколько заботой о сохранении и утверждении иных форм истины. Так, со второй половины 70-х годов к собиранию рассказов очевидцев о большевистском атеистическом терроре приступила Русская православная церковь: игумен Дамаскин (Орловский) с группой помощников осуществил интервьюирование тысяч свидетелей тех репрессий, которым подвергались лица духовного звания и миряне по всей России после революции. По его словам, “основа наших исторических знаний – это устное предание, основанное на свидетельствах очевидцев, долгое время сохранявшееся изустно, а впоследствии записанное. Причем точная запись может быть сделана через пятьдесят и даже через сто лет”³. С точки зрения академической науки очевидно, что точная запись предания – это еще не гарантия точности исторических знаний. Для восстановления событий пятидесяти- или столетней давности этот материал в качестве источника не всегда достаточно надежен. Для изучения народной памяти и механизмов ее функционирования – а для устной истории в ее нынешнем понимании эта цель становится одной из приоритетных – такие записи в принципе могут послужить весьма ценным источником; впрочем, ценность их сильно зависит от соблюдения определенных методик сбора и обработки материала.

Эти же оговорки касаются и еще одной крупной полуофициальной коллекции записанных воспоминаний. Создатель ее – литературовед В.Д. Дувакин – в течение 15 лет записывал на магнитофон голоса почти трехсот человек, в первую очередь людей из окружения В.В. Маяковского, творчество которого он изучал, но также Н.В. Тимофеева-Ресовского, М.М. Бахтина и других. В 80-е годы, после расформирования кафедры научной информации филфака МГУ, где работал Дувакин, его коллекция записей нашла пристанище в Научной библиотеке МГУ: там возник отдел фонодокументов, который позже получил название Отдела устной истории. После смерти основоположника коллекции дело продолжили его ученицы, выпускницы филфака МГУ В.Ф. Тейдер, М.В. Радзишевская и В.Б. Кузнецова. В начале 1990-х годов они начали расшифровывать и готовить к изданию материалы фонотеки, в которой сейчас около 1200 кассет.

Советская историческая наука имела небольшой опыт интервьюирования участников Гражданской войны, красных партизан. С середины 80-х годов Центральный государственный архив звуко-

записей начал создавать тематическую коллекцию воспоминаний участников Великой Отечественной войны, Научно-исследовательский центр технической документации – коллекцию воспоминаний об освоении космоса и др. В годы Перестройки, когда начали свою деятельность общество “Мемориал” и “Народный архив”, при них стали собираться коллекции воспоминаний, записанных на магнитофонную пленку. Примерно тогда же были созданы первые кружки устной истории в вузах и школах, многие из которых успешно действуют в различных городах Российской Федерации и по сей день.

Устной истории российской физики посвящена исследовательская программа, которая начала проводиться с 1989 г. Г.Е. Гореликом совместно с И.В. Дорман при участии А.Б. Кожевникова и А.В. Андреева, а особенно активно – с 1991 г. при поддержке Дэвида Холловэя (Стэнфордский университет). Некоторые интервью использованы в книге Д. Холловэя “Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956” (1997, американское издание – 1994)⁴. Геннадий Горелик в своей работе “Андрей Сахаров: Наука и Свобода”⁵ также использовал тексты историко-научных интервью, собранные в рамках программы. Этот архив (включающий в себя не только записи интервью, но и источники других типов) составляет часть электронного проекта “Социальная история отечественной науки”, осуществляемого в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН⁶.

Крупных вузовских или академических центров, занимающихся устной историей, в России мало. Среди них можно назвать, например, сектор этнографии и устной истории при кафедре отечественной истории Барнаульского государственного педагогического университета. В 1990 г. в нем были начаты работы в рамках большого регионального исследовательского проекта по устной истории под названием “Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие”. Одним из направлений исследований является изучение этнической истории народов края методом интервьюирования в местах локального и дисперсного проживания этнических групп. По мнению руководителей и участников проекта, «привлечение методов устной истории позволяет изучить народную интерпретацию недавнего прошлого самими телеутами (алтайцами), восприятие истории и культуры телеутов и русских в контексте противопоставления “свой–чужой”, рассмотреть механизмы угасания и возрождения малых и больших этнических культур и т.д. В совокупности устные исторические источники способствуют достижению истины в научной интерпретации».

В Москве в Историко-архивном институте в 1994 г. был создан Факультет технотронных архивов и документов, на котором имеется Кафедра аудиовизуальных документов и архивов. На ней читает-

ся курс “Архивы устной истории”. Автор курса, кандидат исторических наук М.В. Мокрова, разработала также программу курса “Устная история науки и техники в Москве” и выпустила множество статей по устной истории науки. При ее участии с 2000 г. в Институте истории естествознания и техники РАН формируется архив аудиовизуальных документов по истории науки и техники, который пополняется путем проведения и видео-магнитофонной записи встреч, бесед, интервью с учеными России и зарубежных стран, с крупными специалистами в области создания новой техники, деятелями образования и культуры.

На факультете истории Европейского университета (Санкт-Петербург) и Центра Устной Истории Университета штата Индиана (США) был в 2001 г. образован Центр устной истории. Этим центром, совместно с Центром российских и восточноевропейских исследований и Центром устной истории Индианского университета, в январе 2002 г. была проведена международная зимняя школа “Устная история: теория и практика”. Школа стала одним из первых шагов Центра по развитию междисциплинарных исследований в названной области. Начатый проект – попытка не только интегрировать устно-историческое направление в профессиональный контекст общественного знания, но и создать междисциплинарную среду общения исследователей, сталкивающихся со сходными проблемами. В 2001–2003 гг. Центр устной истории Европейского университета провел исследования “Блокада в судьбах и памяти ленинградцев” и “Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города”, которые в 2006 г. были опубликованы в книге “Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования”, вышедшей под редакцией М.В. Лоскутовой в московском “Новом издательстве”, которое теперь выпускает и обсуждаемую книгу Л. Нитхаммера. М.В. Лоскутова выступила также автором введения, составителем и переводчиком “Хрестоматии по устной истории”, выпущенной Европейским университетом в 2003 г.

Недавно возник Научно-исследовательский центр устной истории при Петрозаводском государственном университете, созданный группой преподавателей и сотрудников Петрозаводского университета и Карельского научного центра РАН. Центр поддерживает сайт в Интернете, который отражает его работу по ряду проектов, связанных с изучением повседневной жизни в СССР (преимущественно Карелии) в 1930–1956 гг., по истории Великой Отечественной войны и по финской оккупации Карелии⁷. Три сборника, выпущенные центром⁸, демонстрируют его специфический подход к обработке интервью для публикации: тексты сознательно редактируются и приводятся к стандартам литературного языка, так как исследователи

считают их источником фактической информации, вычленение которой не должно затрудняться языковыми шероховатостями.

В Москве по совместной инициативе Международного историко-просветительского и правозащитного общества “Мемориал”, Совета по краеведению Российской академии образования, Кафедры региональной истории и краеведения и Центра устной истории РГГУ с 2000 г. проводится ежегодный всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников “Человек в истории. Россия – XX век”. Организаторы конкурса отмечали: “...надеемся, что молодые люди, собирая и критически оценивая исторические материалы (устные свидетельства, разного рода документы), в процессе написания конкурсной работы смогут выработать трезвое отношение к советскому прошлому страны, в котором было много трагических страниц...”⁹, а в числе рекомендуемых исторических источников для исследований по истории повседневности, на которых должны были строиться конкурсные работы, на первом месте стояли “устные свидетельства”. В первый же год на конкурс была прислана 1651 работа из 425 городов и поселков России. Многие работы написаны по материалам интервью, которые ребята берут у свидетелей исторических событий. Организатором конкурса выступает И.Л. Щербакова (редактор русского перевода работы Л. Нитхаммера). Она стала и редактором-составителем сборника «Цена Победы: Российские школьники о войне: Сборник работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников “Человек в истории. Россия – XX век”», выпущенного “Новым издательством” в 2005 г.

22–25 мая 2001 г. в Москве состоялась Первая всероссийская научно-практическая конференция по аудиокulturологии, аудиоархивистике и новым технологиям – “Эхолот”¹⁰. Конференция была организована по инициативе Государственного литературного музея и Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Тематика, связанная с исследованиями в области истории науки и техники, была представлена в следующих выступлениях. М.В. Мокрова в докладе «“Устная история” науки: анализ ситуации» рассказала об истоках интереса к устной истории и развитии этого метода получения историко-научной информации. В докладе “Устная история науки и искусство истории” Г.Е. Горелик (Бостонский университет, США) проанализировал недостатки и преимущества устной истории в историко-научных исследованиях. Автор отметил, что даже абсолютно точный, но неавторизированный транскрипт аудиозаписи не несет самостоятельной ценности, поскольку многие нюансы устной речи невозможно передать в тексте: порой ведь важно не столько *что* сказано, сколько *как*: с какой интонацией, с каким выражением лица, в каком темпе и насколько громко. Все это

трудно отразить без потерь при переводе интервью в письменную форму, а еще труднее – опубликовать так, чтобы читатель правильно понял цитату и при этом не был бы вынужден продираться через множество значков, маркирующих те или иные акустические и оптические феномены.

Особенно много исследований, основанных на методах устной истории, осуществляется силами историков таких естественных наук, как физика, биология, география. Полученные результаты часто публикуются в “International Journal of Oral History”. Несколько реже используются эти методы в истории гуманитарных дисциплин. Среди российских проектов по устной истории науки можно, однако, назвать проект по истории отечественной психологии, начатый в 2002 г. (руководитель – Е.Е. Соколова, исполнители – Е.А. Загряжская и А.А. Яковлева). В центре проекта стояли воспоминания коллег о выдающемся советском психологе А.Н. Леонтьеве. Большинство интервью, проведенных в его рамках, были опубликованы в специальных выпусках журналов “Психология в вузе” (2003, № 1–2) и “Журнал практического психолога” (2003, № 1–2), которые вышли в свет в год 100-летия со дня рождения А.Н. Леонтьева. Ряд интервью был опубликован позднее.

Зимой 2004 г. в Челябинске прошла конференция “XX век и культурная память”, материалы которой опубликованы в сборнике “Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии”¹¹. Большинство докладов были посвящены воспоминаниям о сталинском терроре, а также о Великой Отечественной войне и ее последствиях.

В январе 2007 г. в Санкт-Петербурге была открыта аудиоэкспозиция “Разговоры на улице Ленина: еврейский Тульчин в полевых записях 2005–2006 годов”, подготовленная Центром “Петербургская иудаика”: это была первая выставка нового проекта “Музей еврейской устной истории”.

О методологических проблемах исследований по устной истории шла речь на ежегодной конференции Российского общества интеллектуальной истории «Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после “постмодерна”» 28–29 апреля 2005 г. на базе Ставропольского отделения РОИИ¹². Два доклада на секции “Предмет и методы междисциплинарного исследования” были посвящены проблемам устной истории. Н.И. Девятайкина (Саратов), опираясь на практический опыт американских исследователей, рассказывала об “Устной истории и ее междисциплинарных возможностях”. П.В. Крылов (Москва) проанализировал сложные методологические проблемы, возникающие в процессе создания корпуса источников в контексте устной истории (доклад “Устная история и проблема доверия между историком и источником”).

На первый взгляд может показаться специальным сборник “Женская устная история: Гендерные исследования”, составленный А. Пето и вышедший в Бишкеке в 2004 г. Однако в нем представлены переводы текстов известных американских и европейских авторов не только по гендерной теории и феминистскому анализу, но и по методологии устной истории, в частности – две статьи П. Томпсона с похожими названиями “Голос из прошлого. Историк и устная история” и “Голос прошлого”, содержащие краткий экскурс в историю использования устных источников, историографический и практический анализ работ коллег и множество советов и рекомендаций для начинающих исследователей на этом поприще. В статье Алессандро Портелли “В чем специфика устной истории” обращается внимание на величайшую ответственность, которую берет на себя историк, интерпретирующий слова респондента: “Одно и то же утверждение может обладать совершенно разными значениями в зависимости от интонации говорящего, и это не может быть объективно отражено в транскрипте, а может быть только приблизительно описано переписчиком”. Сказанное относится, в принципе, и к письменным свидетельствам, однако именно при устном интервью, когда источник “рождается” прямо на глазах у интервьюера, эта его черта особенно заметна, и одновременно именно в этом контексте историк получает уникальную возможность уточнения: “Из писем и дневников мы можем только догадываться, что люди подразумевают под теми или иными словами, в устных же беседах мы можем об этом спросить”, – отмечают Катрин Андерсон и Дана К. Джек в статье “Анализ и техники проведения интервью”.

Научные монографии, написанные в русле устной истории России, тоже пока немногочисленны. Одной из первых ласточек стала вышедшая в свет в 2001 г. книга В.А. Берлинских “Крестьянская цивилизация в России”, основанная на воспоминаниях о жизни, быте, нравах, обычаях, верованиях русского крестьянства XX в.¹³ В 2004 г. появилась работа “Устная история и биография: женский взгляд”, одним из авторов, редактором и составителем которой является социолог Е.Ю. Мещеркина¹⁴. В книге представлены результаты исследовательского проекта по устной истории и биографиям женщин советского и постсоветского времени, которые тематизируют социальные проблемы, исторические события. Рассматриваются в работе и взаимоотношения устной истории и коммуникативной памяти общества, методологические вопросы конструирования гендерной идентичности с учетом многообразия жизненных практик.

За более полным обзором истории и историографии обсуждаемого направления отошлем читателя к статье П.В. Крылова “Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти” в журнале “Новое литературное обозрение” (2005, № 74).

Здесь же резюмируем следующие моменты, которые, как мы надемся, стали заметны в ходе нашего беглого экскурса.

На российской почве устная история приживается медленно, но верно. Основными тематическими областями ее применения стали история науки, история Великой Отечественной войны, история сталинского террора (и то, и другое – в самом широком смысле), а также локальная, этническая и гендерная история.

Сбор информации путем опросов, интервью, бесед или инициированных воспоминаний, записываемых на видео- и аудионосители, применяется историками в России чаще всего для того, чтобы восполнить недостаток – т.е. как отсутствие, так и недостаточную достоверность – письменных источников и восстановить картины былых событий. Трагичность этих событий является зачастую и причиной повышенного интереса к ним, и причиной отсутствия или недоступности надежной документальной базы. Рассказы участников, очевидцев, современников или их родных представляются во многих случаях единственным способом узнать, “как это было на самом деле”. Методологические трудности, связанные с использованием воспоминаний в качестве исторических источников, известны многим российским историкам, работающим в русле устной истории, однако в целом господствует убеждение, что, подобно свидетельским показаниям в суде, эти рассказы могут служить реконструкции фактов и установлению истины.

* * *

Образчиком устной истории, понимаемой как свидетельство о событиях, является выпущенная издательством “РОССПЭН” в 2007 г. “Книга погромов”. Это не монография, а сборник документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. С устной историей они связаны своим происхождением: как пишет в своем введении ответственный редактор и составитель сборника Л.Б. Милякова, «сердцевину собрания составляет одна из наиболее ранних по времени создания коллекций документов по устной истории “домагнитофонного периода” – многочисленные записи рассказов, сообщения пострадавших и свидетелей погромов, которые проводились в ходе Гражданской войны. Сбором этих документов занимались главным образом еврейские общественные организации различного толка». Если целью сегодняшней публикации является, по словам составителей сборника, осмысление проблемы этнического насилия в условиях Гражданской войны, то в годы Гражданской войны цель сбора информации была, в первую очередь, практическая: необходимо было установить численность пострадавших и характер ущерба, чтобы по возможности организовать помощь жертвам. Вскоре, но все же во вторую очередь, была сформулирована научная

цель: планировалось издать серию книг, в которых авторский текст должен был сопровождаться публикацией документов о погромах.

Речь шла не о единой акции – своих уполномоченных и корреспондентов направляли в погромленные города и местечки разные общественные организации: Центральный комитет помощи пострадавшим от погромов (ЦК), Редакционная коллегия по собиранию и опубликованию материалов о погромах на Украине, Киевский комитет Общества сохранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ), Отдел помощи погромленным при Российском обществе Красного Креста (РОКК) на Украине, Еврейский общественный комитет помощи жертвам войны и погромов (Евобщестком) и др., а также органы советской власти, которые были вынуждены собирать информацию для того, чтобы предъявлять отчетность еврейской благотворительной организации “Джойнт” за средства, направляемые на помощь погромленным. Кроме того, большевистское правительство собиралось на Генуэзской конференции предъявить капиталистическим державам счет за ущерб, нанесенный по их вине советским гражданам еврейской национальности.

Хотя погромы имели место уже в 1917–1918 гг., систематическая работа по сбору свидетельств началась только в 1919 г., однако потом велась “по горячим следам”, насколько условия военного времени это позволяли. Сбор информации проходил с опорой на дореволюционные традиции земской статистики и еврейской организованной благотворительности. Наиболее развитые формы информационно-статистическая работа приобрела на Украине. Способы сбора материалов были разнообразны: эмиссары проводили различного рода анкетирование, делали фотографии последствий погромов, составляли статистические сводки, отчеты и непосредственные интерпретации собственных наблюдений. Опросы проводились как в самих пострадавших населенных пунктах, так и среди еврейских беженцев, стекавшихся в Киев (их летом 1919 г. в городе насчитывалось 15–20 тыс.). В одной из первых по времени образований организаций – ЦК – были разработаны начальные правила проведения опросов, на которые опирались сборщики информации, однако они не сохранились, и мы имеем дело только с записанными ответами. Такие записи стекались в юридическое бюро и информационный отдел ЦК в Киеве, и “уже с первых месяцев в его архивах собрался такой богатый фактический материал... что возникла мысль о немедленном его опубликовании”¹⁵, – писал член комитета историк И.М. Чериковер.

Публикация материалов о погромах готовилась совместными усилиями многих еврейских общественных организаций; после распада в 1920 г. Центрального комитета помощи пострадавшим от погромов ведущую роль в пополнении, хранении и обработке архива

взяла на себя Редакционная коллегия по собиранию и опубликованию материалов о погромах на Украине, одним из основателей которой был И.М. Чериковер. Об этом человеке Л.Б. Милякова рассказывает во введении к сборнику, и здесь представляется уместным сказать о нем несколько слов как о пионере устной истории на территории бывшей Российской империи.

Илья (Элиа) Михайлович Чериковер (1881, Полтава – 1943, Нью-Йорк) был историком и публицистом социал-демократических убеждений. Он публиковал в русскоязычной прессе статьи по вопросам участия евреев в революционном движении в России, правового статуса евреев, русско-еврейских отношений и т.д., был одним из активнейших авторов 16-томной “Еврейской энциклопедии” (1909–1911), в 1911–1914 гг. – одним из редакторов печатного органа старейшей российской еврейской общественной организации – “Вестника Общества для распространения просвещения между евреями в России”. С началом Первой мировой войны он уехал в США, но после Февральской революции вернулся в Киев и там занимался политической деятельностью, выступая за еврейскую автономию на Украине.

После установления советской власти в Киеве архивный фонд Редколлегии был вывезен за границу, где продолжал пополняться. Редколлегия обосновалась в Берлине, получив название “Восточно-еврейский исторический архив”. В эти годы Чериковер выпустил две книги о погромах на Украине в 1917–1918 и 1919 гг., где рассматривал погромное движение в контексте политических изменений в стране. Отчасти он опирался на документы, хранившиеся в его архиве.

В 1925 г. часть архива оказалась в Польше, в Вильно, где Чериковер стал одним из инициаторов создания Института еврейских исследований. Эта часть архива, по-видимому, погибла в годы Второй мировой войны. Другая часть была перевезена из Берлина в Париж, потом в 1942 г. – в Нью-Йорк, где сам Чериковер находился с 1940 г. Она известна в научных кругах как “коллекция Чериковера”, хранится в настоящее время в Институте еврейских исследований в Нью-Йорке, историческое отделение которого Чериковер основал и в котором работал до конца своей жизни. Общая публикация всех документов из его коллекции так и не состоялась по сей день.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) находится часть собранного до 1921 г. архива Чериковера. Документы, публикуемые в обсуждаемом сборнике – в общей сложности более четырехсот единиц, – происходят отчасти именно из этого собрания, отчасти из собрания Евобщесткома. Следует отметить, что, ввиду технической сложности обработки, в издаваемый корпус не были включены документы на идиш¹⁶. Среди публикуемых текстов – не

только результаты опросов, записи рассказов пострадавших и свидетелей, но и доклады уполномоченных и комиссий, постановления органов власти, официальная переписка, протоколы совещаний различных организаций и другие виды документов.

Открывается сборник Введением, где Л.Б. Милякова рассказывает об истории возникновения публикуемых документов, дает исторический очерк погромного движения во время Гражданской войны и анализирует природу этого движения. Еврейские погромы как форму этнического насилия, считает автор, следует рассматривать главным образом в контексте деформации и деградации новых государственных и общественных структур и крушения моральных норм населения – процессов, проявившихся в Первую мировую войну и продолжившихся в невиданных масштабах в период Гражданской войны. Несмотря на наличие некоторых признаков политических, социальных, экономических и других явных или мнимых противоречий, отношение погромщиков к еврейскому населению определялось рецидивами варварства, архаической традиции и в итоге – хорошо известной этнологом моделью поведения “свой–чужой”, когда против “чужих” (а к ним в тот период относили евреев) в условиях войны применялись все формы насилия вплоть до массовых убийств.

Затем следует Историко-географическая справка, в которой Е.С. Розенблат и И.Э. Еленская рассказывают об эволюции политико-административной структуры Украины, Белоруссии и европейской части России в 1917–1922 гг. В связи с тем, что за эти годы происходили неоднократные изменения внешних и внутренних границ республик, публикуемые документы сгруппированы в разделы исходя из нынешнего определения территорий России, Украины и Беларуси.

В своем Археографическом предисловии И.А. Зюзина рассказывает об архивных фондах ГАРФ, где хранятся эти документы, и о принципах публикации. Сборник, поделенный на три раздела по географическому принципу, внутри разделов построен по хронологии событий. Основная масса документов публикуется полностью, в извлечениях представлены только те документы, которые, наряду со сведениями о погромах, содержат повторяющуюся или не относящуюся к теме сборника информацию.

Сборник снабжен именованным и географическим указателями и включает в себя тридцать черно-белых фотографий и три карты.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать по отдельности те три с половиной сотни исторических документов, которые опубликованы в издании, обратим внимание на несколько моментов, проявляющихся при знакомстве с ними.

Во-первых, бросается в глаза полное отсутствие различий на низовом уровне между политическими силами, когда речь идет об уча-

стии в погромах: независимо от постановлений и заявлений правительств и военачальников подразделения белой и красной армий, казаки, украинские националисты, партизанские отряды, банды и прочие вооруженные формирования занимались грабежами, насилием и убийством еврейского населения совершенно одинаково; различались только лозунги, оправдывавшие погромы: одни называли евреев коммунистами, другие – буржуями, третьи – врагами украинского народа, четвертые обвиняли их в сокрытии оружия. Христианское население – соседи евреев, зачастую вполне мирно сосуществовавшие с ними еще за день до трагических событий, – иногда становились просто бездеятельными наблюдателями, а гораздо чаще – активными участниками погромов; иногда христиане прятали у себя евреев, иногда – указывали погромщикам места, где те прятались. В некоторых случаях среди погромщиков оказывались люди, которые, убив несколько человек в одном доме, в другом вдруг оказывали медицинскую помощь раненому еврею или, взяв у еврея деньги, потом помогали ему забраться на чердак, чтобы не быть убитым их товарищами.

Во-вторых, документы сборника свидетельствуют о том, что погромы вовсе не всегда носили стихийный характер, а зачастую проводились методично, с организационной и информационно-технической подготовкой, какие мы привыкли приписывать только немецким фашистам. Так, например, в книге воспроизводится фотография отпечатанного типографским способом объявления, которое было распространено командованием одного из украинских национальных формирований в местечке Тальное Киевской губернии перед погромом в 1919 г.: всем “селянам русским” предписывается выставить в окнах иконы, чтобы к ним не заходили казаки, иначе “подряд будем резать, не разбираясь”. Подобного рода листовки печатали и “зеленые”. В 1919 г. проявилась тенденция к идеологизации мотивов антиеврейского насилия: на Украине возник лозунг “бей жидов-коммунистов” и ему подобные, которые потом, в 1919–1921 гг., неоднократно звучали и во время погромов в Белоруссии и России. В ходе проскуровского погрома в феврале 1919 г. наблюдались убийства евреев, не сопровождавшиеся грабежами и санкционированные атаманом Семесенко как борьба с “самыми опасными врагами украинского народа и казаков”. Евреев предписывалось “вырезать для спасения Украины и самих себя”, однако от казаков требовалось поклясться, что “жидовского добра грабить не будут”. В этом акте террора и геноцида (за три с половиной часа было убито около 1650 евреев, включая грудных детей), равно как и в житомирском погроме полковника Палиенко проявились многие черты, характерные для Холокоста: обоснование массового убийства по этническому признаку с помощью национальной идеи, неумолимая механи-

стичность, безэмоциональная деловитость и дисциплинированность палачей, начавших и закончивших погром по приказу командиров.

В-третьих, эти свидетельства бывают безжалостно самообличительны: мы узнаем из рассказов жертв погромов, что многие из них, спасаясь через окно от погромщиков, бросали своих жен, мужей, престарелых родителей и малолетних детей. Не нам судить людей, оказавшихся в смертельной опасности. Читать то, что они сами рассказывают о своем поведении во время погромов, часто неприятно, но знать это важно.

Это лишь некоторые поверхностные впечатления. Материал, опубликованный в “Книге погромов”, может послужить источниковой базой для нескольких серьезных исследований. Пока они не написаны, на вопрос о значимости этого издания можно ответить так: она заключается в непреходящей ценности человеческих свидетельств. Документы, опубликованные в “Книге погромов”, не помогают уточнить общее количество жертв насилия в отношении еврейского населения Украины, Белоруссии и европейской части России в годы Гражданской войны (число убитых и умерших от ран в результате погромов, называемое разными исследователями 20–30-х годов, колеблется от 35 до 200 тысяч человек). Не всегда помогают они и уточнить хронологию или динамику погромных волн, поскольку в рассказах часто отсутствуют или неверно указаны даты событий. Размер совокупного или индивидуального материального ущерба от грабежей, поджогов и актов вандализма, учиненных погромщиками, тоже нельзя установить по этим источникам. Имена участников или инициаторов преступлений зачастую прекрасно известны и без этих свидетельств. Не стоит поэтому говорить о том, как эта публикация помогает или не помогает “установлению истины” о погромах: важнее сказать, как она может повлиять на наши понятия о войне, о ненависти, о страхе, о ценности человеческой жизни и о цене народного счастья. Хочется надеяться, что эти, порой страшные в своем косноязычии и своей беспощадной неприкрытости тексты кому-то помогут расстаться с красно-белым представлением о Гражданской войне и черно-белым представлением о человеческой порядочности.

* * *

Во многом иной подход к устной истории мы встречаем у западно-германского ученого Лутца Нитхаммера, одного из виднейших представителей этого направления в ФРГ. Под его руководством в 80-х годах в Эссенском университете и Университете заочного обучения в Хагене были осуществлены большой проект по устной истории под названием “Биография и социальная культура в Рурской области. 1930–1960”, а также проект по изучению жизненного опыта рабочего населения одного из индустриальных районов ГДР. Резуль-

таты этой работы были опубликованы в трехтомном сборнике, вышедшем под редакцией Л. Нитхаммера и А. фон Плато, а также в книге “Народный опыт. Археология жизни в индустриальном районе ГДР. 30 биографических открытий”¹⁷. Трехтомник содержит статьи, написанные несколькими участниками проекта – самим Л. Нитхаммером, А.-К. Айнфельд, У. Хербертом, Н. Мёдинг, Б. Паризиусом, А. фон Плато, М. Шмидт, М. Циммерманом. Московское “Новое издательство”, продолжая ряд своих публикаций по устной истории, подготовило к печати сборник, составленный из переводов тех статей трехтомника, которые принадлежат перу самого руководителя проекта (некоторые из них были представлены им в виде докладов на различных конференциях). Таких текстов – назвать их “главами” невозможно, поскольку они не составляют единого повествования, – в книгу вошло девять. С хронологической точки зрения они посвящены временам национал-социализма, Второй мировой войны и первым послевоенным десятилетиям, т.е. примерно тому же периоду, который стоит в центре внимания многих российских проектов. Плотность и разнообразие изложения таковы, что даже в пространной рецензии можно дать лишь весьма приблизительное представление о содержании этих статей, но тем не менее приведем некоторые их положения, показавшиеся нам наиболее интересными.

Открывается сборник пространной вводной статьей “Вопросы–ответы–вопросы”, где рассматриваются теоретические и методологические проблемы как устной истории вообще, так и данного исследовательского проекта в частности. К основным положениям этой статьи мы вернемся ниже.

За нею следует статья “Тыл и фронт”, посвященная опыту мужчин и женщин, рурских рабочих и членов их семей, в годы войны. Этот опыт прежде почти не попадал в поле зрения науки и искусства: гораздо более известны дневники или воспоминания представителей образованных слоев общества. Рабочие же были своего рода “безмолвствующим большинством”, заговорившим во многом благодаря интервью, которые провели Лутц Нитхаммер и его коллеги в 80-е годы.

Рурский бассейн отличался от многих других районов Германии тем, что в нем во время войны оставалось очень много мужчин, занятых на предприятиях горнорудной промышленности и потому освобожденных от призыва. Кроме того, этот район стал подвергаться массированным бомбардировкам только в 1943 г., и для многих его жителей война началась именно тогда, когда им пришлось первый раз идти в бомбоубежище. А те из них, кто были в армии, воспринимали ее часто как улучшение своего социального и материального положения. Война до Сталинграда в этих воспоминаниях выглядит зачастую очень непохоже на то, какой мы привыкли ее себе предста-

влять: в памяти тех, кто работал в тылу, она вообще мало отложилась, а в воспоминаниях многих солдат осталась чем-то вроде туристической поездки. Политическая сторона дела, тема военных преступлений и личной ответственности оказались в то время как бы отсечены шорами восприятия: при чтении цитат из этих интервью возникает впечатление, что респонденты-бывшие солдаты вермахта участвовали не в самой кровавой и разрушительной войне, какую знало человечество, а в неких других событиях. И слово “участвовали” тоже имеет в данном контексте совсем не обычный смысл: рассказы свидетельствуют во многих случаях о том, что люди в форме пассивно воспринимали происходящее с ними. От каких-то безымянных инстанций они получали приказы, смысл которых они не анализировали и не должны были анализировать, и в силу этих приказов они перемещались из конца в конец Европы, то любуясь ландшафтом, то попадая в госпиталь, то покупая подарок любимым, то, под конец, оказываясь в плену.

Статья “Нормализация на Западе” посвящена послевоенным годам, когда постепенно “жизнь снова стала нормальной”. Пытаясь выяснить, что же рурским рабочим представлялось периодом “нормальной” жизни в Германии до 1945 г., автор пришел к выводу, что речь шла не о 20-х годах, когда многие из них страдали от экономических кризисов, безработицы, бедности и политической пестроты, и не о той стабильной, но все же дефицитарной карточной системе, которую государство ввело во время войны. “Нормальная” жизнь, как она реконструируется по недомолвкам, имплицитным, подразумеваемым, хоть обычно и не высказываемым вслух оценкам – это та жизнь, которую *обещали* (и лишь частично дали вкусить) народу нацисты в конце 30-х годов. После денежной реформы 1948 г. и начала “экономического чуда”, когда благосостояние работающего населения стало быстро расти, сформировалась та атмосфера материального благополучия и основанного на нем политического консенсуса, с которой большое число опрошенных связывают свои представления не только о том, что для немецкого общества “нормально”, но и о самом возникновении этого нового общества: возникновение ФРГ оказывается связано в воспоминаниях людей не с политическим актом, а с экономической реформой.

Три статьи в сборнике посвящены ГДР. Интервью, на которых они построены, были взяты Нитхаммером и его сотрудниками в основном в 1987 г. Это было первое исследование такого рода, проведенное западногерманскими учеными в ГДР. На него было получено специальное разрешение властей, и в нем участвовали несколько восточногерманских историков, которые призваны были следить за западными коллегами. Проанализировав более ста интервью, взятых им в одном из индустриальных регионов страны, Лутц Нитхаммер

пришел к выводу (статья “Приближение к переменам”), что ГДР стояла на пороге социального кризиса, поскольку старое поколение коммунистов и социал-демократов постепенно ушло или оказалось вытеснено на обочину жизни более молодыми партийными функционерами-карьеристами, а молодое поколение, не знавшее контраста между теми сравнительно хорошими материальными условиями, в которых оно жило, и жизнью в довоенные, военные и первые послевоенные годы, осталось таким образом без важнейшей награды за требуемые от него покорность режиму и рвение в труде. Этот кризис, предсказанный историком, разразился через два года, что явилось неожиданностью как для властей, так и для политологов.

Еще одна из статей о ГДР называется “Что Вы делали 17 июня?”: в ней рассматриваются воспоминания участников и свидетелей антикоммунистических волнений, на несколько часов охвативших большую часть республики 17 июня 1953 г. Поскольку тема эта была табуирована в ГДР, интервьюерам часто с трудом удавалось получить от респондентов ответы на свои вопросы. Но когда разговор получался, воспоминания очень часто противоречили официальным трактовкам, которые люди повторяли, как заклинания. Главное для Нитхаммера заключалось, однако, не в том, чтобы обличить ложь коммунистической пропаганды, а в том, чтобы прояснить роль, которую этот день сыграл, если можно так выразиться, в “эмоциональной истории” восточногерманского общества: это был день, когда всколыхнулись чувства – протест, гнев, надежда, – а после подавления волнений настала эпоха бесчувственности, когда волноваться по политическим поводам было бессмысленно, да и опасно.

В третьей статье, посвященной Восточной Германии, рассматривается феномен “биократии”, т.е. бюрократического управления биографической памятью. При заполнении анкет граждане ГДР должны были структурировать свою жизнь по заданной схеме, и у многих эта схема настолько укрепилась в сознании, что и в беседе с западным историком они сначала рассказывали о своем образовании, потом о профессиональной карьере, потом о членстве в общественных организациях и т.д. Необходимость заполнения множества анкет, которые потом проверялись компетентными органами, приучала к покорности, искренности и к специфической иерархии ценностей: о чем необходимо сообщать в первую очередь, о чем – во вторую, а что вовсе не входит в число сообщаемых сведений.

Кроме того, в этой статье рассказывается о том, как мало следов своего пребывания в ГДР Л. Нитхаммер и его коллеги нашли в рассекреченных архивах Министерства государственной безопасности ГДР (Штази): оказалось, что за ними вовсе не так пристально следили и отношение к ним было у властей вовсе не столь подозрительное и враждебное, как они предполагали.

Статья “Евреи и русские” (под последними имелись в виду все граждане СССР) рассказывает о том, как воспринимали немцы узников концлагерей, военнопленных, подневольных рабочих, а также солдат Красной армии и жителей Советского Союза. Эти обозначенные в заголовке статьи две группы были выбраны автором как “две самые многочисленные группы жертв нацистского режима”. Автор обнаружил, что воспоминания о них “трудно найти в памяти немцев”: большинство жителей Германии усвоили внушенное им нацистской пропагандной расистское мировоззрение, в силу которого они не обращали внимания ни на дискриминацию евреев, ни на исчезновение еврейских семей, живших по соседству, ни на лагеря уничтожения, хотя многим было прекрасно известно, что там происходит. Страдавшие и погибавшие рядом с ними узники и “восточные рабочие” для них остались, в подавляющем большинстве случаев, безликой массой. В ФРГ антисемитские и вообще расистские взгляды постепенно были отеснены на задний план сознания за счет того, что “экономическое чудо легитимировало демократию”. Не отказавшись осознанно от своих прежних позиций, немцы в 50-е годы просто забыли о них и о том, что было с ними связано. Такая ситуация сохранялась вплоть до 60-х годов, когда в результате серии судебных процессов над нацистскими палачами, а затем и молодежных волнений 1968 г. тема эта приобрела в обществе иное звучание. Оценки изменились, но структуры воспоминаний – нет: “Если в 30–40-е годы сознание отказывалось воспринимать дискриминацию евреев и их депортацию, то реконструировать нечего”.

О “русских” (т.е. советских гражданах) большинство западных немцев тоже мало что помнили; русские как противники на фронте или пленные в тылу вообще безлики: респонденты обычно не замечали у них никаких достойных упоминания личных черт. Воспоминания о населении оккупированных советских территорий подчинены стереотипам культурных различий: в “русских”, как их вспоминали бывшие солдаты вермахта, было нечто детское или звериное, они часто удивляли своей неожиданной эмоциональностью и готовностью помочь. Немецким солдатам казалось, что от “недочеловеков” их отделяла непреодолимая пропасть. На фоне стандартного набора примитивных культурных признаков (конные повозки, избы, печи с лежанкой, капуста, водка и самокрутки из газеты) тем большее удивление вызвала у многих победа Красной армии над оснащенной передовой техникой армией народа “сверхчеловеков”, а на фоне разговоров о кровожадности и дикости “русских” многие немецкие солдаты, попав в плен, были весьма удивлены, встречая человеческое отношение к себе со стороны местных жителей.

В ГДР же ситуация оказалась во многом иной: там больше, чем на Западе, были распространены воспоминания о насилии со сторо-

ны советских солдат, пережитом в конце войны, и воспоминания эти зачастую были более конкретными. В то же время там по-другому говорили об иностранных рабочих: с гораздо большей подробностью и человечностью. Когда в интервью речь заходила о евреях, воспоминания восточных немцев были, как правило, менее спонтанны, более прохладны, сильнее подвержены стереотипам. С другой стороны, граждане ГДР были менее подвержены характерному для западных немцев “рефлексу самооправдания”. Воспоминания восточных и западных немцев о советском плене в целом не сильно различались, но в ГДР респонденты делали меньший упор на собственные страдания, а даже подчеркивали, что в СССР не обращались с ними как с людьми “второго сорта”: плохая еда и плохое жилье были одинаковыми у всех.

Еще одна статья сборника посвящена теме “Восприятие войны в послевоенном немецком обществе”, причем, как отмечает автор, уже само название включает в себе несколько проблематичных понятий: что такое “послевоенное немецкое общество”, если того немецкого государства и того общества, которое существовало в 1945 г., потом больше не было, а были ФРГ, ГДР и Австрия, жившие в разных условиях (в том числе оккупационных), и в каждой из этих стран было отдельное общество, внутри которого к тому же были сильны контрасты между исконным населением и новыми жителями, прибывшими после изгнания из восточных земель? И что значит “восприятие войны”, если в опыте большинства немцев не было одной войны как некоего единого комплекса: были как минимум два отдельных отрезка, в течение которых человек мог пережить в том числе и самые противоположные вещи: во время триумфальных блицкригов 1939–1942 гг. – восторг и большие надежды (хотя впоследствии многие вытесняли воспоминания о положительных чувствах этого первого периода), а в 1943–1945 гг., после Сталинграда и начала бомбардировок немецких городов – растущий скепсис и под конец отчаяние. Различия собственно военного опыта связаны и с географическими регионами: особенности солдатского быта и характер военных действий были очень различными на Восточном фронте, на Балканах, на Западе и на море.

Но в целом, поверх этих различий, на уровне коллективной памяти, можно, считает автор, говорить о трех фазах в истории восприятия минувшей войны: первое послевоенное десятилетие, когда жизнь немцев на бытовом уровне была подчинена преодолению непосредственных последствий Второй мировой войны, а на политическом уровне – решениям союзников и затем неравному разделу страны в годы войны Холодной. Сочетание этих двух важнейших условий образовывало рамки, в которых сложились паттерны воспоминания о войне, сохранявшие свое действие очень долго –

как на политическом и культурном уровне, так и на бытовом, и на уровне личных воспоминаний. Затем последовали три десятилетия, которые можно рассматривать как фазу “борьбы за память о войне и национал-социализме”. В этой борьбе “линии фронта” проходили в каждом из трех государств-наследников Третьего рейха по-разному, и ритмы были тоже разные, однако во всех трех случаях в конце концов в культуре и в средствах массовой коммуникации утвердилось суждение, что эту войну можно понимать только в связи с национал-социализмом и (это особенно относится к Западной Германии) что Холокост представляет собой важнейший предмет памяти о войне. Затем наступило время расширения восприятия и появления новых толкований: это был переход от коммуникативной памяти современников и свидетелей событий к памяти культуры.

Одной из самых пространственных статей сборника является статья “Частная экономика”, рассказывающая о том, как немцы сорок лет спустя вспоминали первые послевоенные месяцы и годы.

Среди этих воспоминаний в первую очередь автор рассматривает рассказы о встрече с войсками антигитлеровской коалиции. К этой встрече гражданское население Германии было подготовлено нацистской пропагандой и, если свести эту подготовленность к краткой формуле, то это было “ожидание изнасилования”. Если на востоке страны в самом деле имели место многочисленные случаи изнасилования немецких женщин советскими солдатами, т.е. ожидания в значительной мере оправдались, то на западе реальный опыт оказался совсем другим: немцы и немки увидели улыбающихся и вполне миролюбивых американцев, в том числе чернокожих, которые, вместо того чтобы насиловать, угощали их бананами и шоколадками. Однако ожидания были настолько сильны, что даже много лет спустя многие женщины рассказывали интервьюерам о том, какую “опасность” им довелось пережить при внезапных встречах с американцами, особенно неграми, хотя, собираясь рассказать о страшном случае, фактически они рассказывали о том, как ничего не произошло. И в этих рассказах, и в рассказах мужчин о том, как многие немки “липли к иностранцам”, а их мужья-инвалиды войны кончали из-за этого с собой, просвечивает стереотипное ожидание, внушенное Геббельсом: в случае поражения немецкие женщины станут добычей “недочеловеков”.

Несколько разделов статьи посвящены воспоминаниям о “переобучении”, или “перевоспитании”, которое пришлось пройти населению Германии в 1945 г. Речь идет не столько о денацификации и “обучении демократии”, сколько о “школе черного рынка”. Это воспоминания о времени, когда не только немецкое государство – Третий рейх, – но и немецкое хозяйство, и немецкое общество пережили коллапс. Люди, жившие до этого в условиях почти полного ого-

сударствления, вдруг оказались вынуждены своими силами справляться с последствиями войны – не только экономическими, но и эмоциональными (автор называет это “приватизацией последствий войны”). Если прежде гитлеровский режим монопольно обеспечивал немцев работой, продуктами, жизненными целями, ценностными ориентациями, объяснениями на все случаи жизни, то теперь они были предоставлены сами себе и их выживание зависело от того, как быстро и успешно они переучивались, осваивали правила черного рынка и такие принципы, как “групповая самопомощь” (т.е. опора на ближайший родственник или дружеский круг в обеспечении жильем и едой), “мораль выживания” (оправдано все, что помогает не умереть от голода и холода самому и спасти свою семью), “компенсация” (умение путем меновой торговли восполнять утраченное и добывать необходимое). Для многих эта перестройка была более мучительной, чем сами лишения. У большинства респондентов воспоминания о послевоенных годах окрашены негативно, а некоторые открыто говорили в интервью, что “мирное время было еще гораздо хуже, чем война”; приход войск антигитлеровской коалиции совершенно не воспринимался ими как “освобождение”, ибо они не чувствовали никакой “несвободы” при нацистах.

Материальные трудности усугублялись для многих идейной дезориентацией. Едва ли не все идейно-политические ценности, на которых были воспитаны эти люди, казались теперь дискредитированными, и кроме коммунизма и политического католицизма не было ни одного политического лагеря, который принимался бы всерьез. Гораздо большей значимостью, чем партии, обладали тогда профсоюзы и советы трудовых коллективов: они фактически управляли предприятиями. Многие старые рабочие вспоминали середину 40-х годов как время, когда они “фактически были предпринимателями”.

Один из разделов статьи посвящен такому противоречивому явлению, как семья в атмосфере катастрофы и кризиса: почти все респонденты вспоминают, что война для них закончилась только тогда, когда они и их родные вернулись “домой”, в свою семью. Люди, эвакуированные в сельскую местность, где продовольственное положение было более или менее сносным, стремились вернуться, зачастую через всю страну, обратно, в разрушенные и голодные города, поскольку там был их “дом”. Но многих домов уже больше не существовало, и вернуться многим было некуда, поэтому люди, жившие прежде раздельно, малыми семьями, теперь часто начинали жить в новых, более крупных и зачастую экономически не оправдывавших себя семейных группах: несколько поколений в одной квартире, с родственниками и свойственниками. Между старшим поколением, зачастую возвращавшимся к донацистским, патриархальным мо-

ральным установкам, и молодежью, воспитанной в “Гитлерюгенде” и придерживавшейся более вольных нравов, неизбежно возникали трения по поводу властной иерархии и сексуального поведения. Из-за этого, а также из-за скученности и неравного участия в обеспечении нередко возникали скрытые или открытые конфликты, которые именно в силу своего семейного характера зачастую были более сложны и травматичны, чем конфликты с чужими людьми. Накапливалось столько взаимного раздражения, что после того как появлялась возможность разъехаться, многие родственники переставали общаться друг с другом на долгие годы. Если воспоминания об отношениях с соседями в тот период у многих немцев окрашены в светлые тона, то об отношениях в таких временных расширенных семейных группах, несмотря на их парадоксальную притягательность в то время, мало кто впоследствии вспоминал с теплотой. “Нормальная” жизнь началась тогда, когда люди снова обрели возможность жить малыми семьями в отдельных квартирах.

Значительные изменения происходили тогда в гендерных отношениях: женщины, которые в условиях войны зачастую смогли сделать на фронте или в тылу карьеру, лично раскрыться и добиться высокого материального и социального положения, теперь волею неволей снова отходили на второй план: они уступали вернувшимся с фронта мужчинам их традиционные руководящие роли на работе и дома, превращались в жен, домохозяек, часто – сиделок при инвалидах. На эту смену ролей большинство из них шли добровольно, ибо она соответствовала и их собственным представлениям о норме. Вспоминая об этом, рассказчицы отмечали разницу между гендерно-ролевыми конвенциями сороковых и восьмидесятых, но лишь немногие из них жалели о том, что отказались тогда от продолжения профессиональной карьеры.

Для понимания духовной атмосферы того времени необходимо иметь в виду, что большинство населения Рурской области (включая, кстати, и часть бывших левых) поддерживало нацистов, пока те своей социальной политикой и многообещающими военными успехами зримо способствовали улучшению жизни рабочих. А после крушения Третьего рейха этому гражданскому населению вдруг пришлось расплачиваться за преступления, в которых оно вовсе не чувствовало себя повинным. Ведь в те первые месяцы и годы еще не были так широко известны факты нацистских зверств, вскрытые и опубликованные в ходе судебных процессов частично в 1946, а частично и вовсе только в 1960-е годы. О том, сколько зла гитлеровский режим принес людям в других странах и в самой Германии, многие его вчерашние подданные в 1945 г. не знали или не хотели знать; единственным злом, которое все они ясно видели, была проигранная Гитлером война. Коллективную вину за все злодеяния фашизма немцам, погру-

женным в заботы о выживании, вменияли извне, и осмысливать свою личную долю вины тогда у большинства не было ни сил, ни времени, а после денежной реформы и начала “экономического чуда” уже и вовсе хотелось все забыть, как страшный сон.

Завершается статья рассуждениями “О значении семьи, частной собственности и государства в послевоенные годы”, где автор пишет о том, как тезисы Ф. Энгельса, сформулированные применительно к первобытному обществу, приложимы к реальности Германии после 1945 г.

Вернемся теперь к вводной статье сборника и, с учетом того, что нам известно из обзора статей, следующих за нею, рассмотрим теоретические “пролегомены” Л. Нитхаммера.

Автор подчеркивает, что «словосочетание “*oral history*” означает – вопреки своему буквальному значению – не какой-то особый вид истории, который обходится устно традированными источниками, а специфическую технику изучения современной истории. Устная история, с одной стороны, позволяет исследовать определенные сферы, по которым нет (или нет в доступности) иных источников, и, таким образом, она представляет собою один эвристический инструмент среди прочих. С другой же стороны, она позволяет расширить концепцию недавнего прошлого и возможности его социокультурной обработки как истории, в силу чего практика устной истории оказывает влияние на понимание истории в целом». То есть, образно говоря, устная история в понимании Нитхаммера – это не только и не столько способ выяснить, например, сколько человек погибло в таком-то бою, сколько способ понять, какие точки зрения на этот бой существуют помимо той, которая изложена в официальной историографии. Собрав в ходе множества интервью массу материала, историк не столько обретает данные для построения единой картины прошлого, сколько убеждается в том, что единой она быть не может, ибо, если признать за каждым респондентом равные права на свой взгляд, свою оценку и свой опыт (а это – лозунг устной истории), то неизбежно выяснится, что попытка свести их к общему знаменателю обречена на провал. Самое большее, на что может претендовать историк, – это предложение собственной интерпретации услышанного на основе сравнения с материалами из других источников.

Таким образом, речь идет не об установлении объективной исторической истины. Скорее наоборот: речь идет о допущении в историческую науку множества субъективностей – во-первых, жизненного опыта разных людей, а во-вторых, субъективных интерпретаций исследователя. Это, подчеркивает Нитхаммер, “требует такого представления об исторической науке, при котором мы признаем, что ее данные продуцируются в процессе исследования, что она... создает... из фрагментов и примеров основу для нового восприятия, в данном

случае – восприятия такого аспекта, как человеческий жизненный опыт”. А жизненный опыт человека по определению субъективен и уникален. Поэтому нет ничего страшного в том, что “устная история не располагает практическими возможностями проверить статистическую репрезентативность своих данных”: она – история идиографическая. Ее заслуга – не в том, чтобы рассказать, как было на самом деле, а в том, что она “приближается к перспективе субъективного опыта, бросает вызов проективному приписыванию”, т.е. не позволяет говорить о “народе”, “людях”, “населении” и приписывать этим сконструированным субъектам те или иные свойства, настроения и ценности. Она может опровергать своими частными данными такие общие утверждения, но, в отличие от позитивистской истории, сама не выдвигает и не верифицирует гипотез, претендующих на более или менее высокую степень генерализации.

Взаимоотношения такого исторического исследования с “традиционным” – довольно непростые, но не обязательно антагонистические. Хотя программной целью устноисторического исследования является изучение структуры жизненного опыта людей, а не хода событий, последний историку не безразличен, и в своей интерпретации материала интервью Нитхаммер часто опирается на знание, полученное им, например, из архивных документов. И тогда “бывает, что сведения, которые дают респонденты, оказываются неверными, если сравнить их с источниками, имеющими более непосредственное отношение к обсуждаемым темам”. Сравнение, описанное Нитхаммером в этой книге, порой выглядит несколько грубоватым: например, когда одна из рассказчиц говорит, что 17 июня 1953 г. “было жарко, как в пекле”, автор замечает: “Берлинская сводка погоды гласит, однако, что в тот день был дождь. Жарко было в другом смысле”. Слова женщины он считает возможным принять лишь как метафору накаленности политической обстановки, ибо они не согласуются с газетной сводкой; а между тем, ничто не говорит о неприемлемости прямого понимания: было жарко, а до этого, или после этого, или в другом районе был и дождь. В другом месте, приводя рассказ женщины из Эссена о том, как встречали в 1945 г. американские войска, Нитхаммер опровергает ее слова, утверждая, что “на самом деле” население по большей части укрывалось в домах, а не стояло вдоль улиц. Автор не только обращал внимание на то, “верны” слова респондентов или нет, но и интерпретировал причины сообщения ими “неверных” сведений.

Цель и смысл существования устной истории – не для самих историков, а для общества – видится Нитхаммеру в том, чтобы “вести... в историю” простых людей, не вершивших великих дел и не попавших на страницы учебников и монографий. А “справедливость по отношению к субъекту опыта, уделение ему подобающего места в

истории не требуют просто верить всему, что он расскажет... Скорее... необходимы критический анализ и интерпретация, в ходе которых исследователь старается определить, к какому временному пласту относится тот или иной блок текста, сводит и упорядочивает рассеянные данные, проверяет их и делает пригодными для использования при реконструкции условий жизни былой эпохи или при осмыслении важнейших высказываний субъекта”.

Лутц Нитхаммер пишет не только о том, что и когда люди думали и чувствовали по поводу своего прошлого и прошлого всей своей страны. Он пишет и о том, что с ними было, что с ними стало “на самом деле”, причем порой даже производит арифметические подсчеты, чтобы выяснить, например, какая доля опрошенных какую сделала карьеру или сколько было членов такой-то партии среди представителей такой-то социальной группы. И очень может быть, что сведения, полученные интервьюерами от этих людей в устной беседе, ничуть не менее надежны, чем те, которые зафиксированы в их личных делах и других официальных документах.

Не имея возможности рассказать здесь о всех проблемах, затронутых автором в этой статье, упомянем о двух.

Первая проблема заключается в том, что если исследователь занимается устной историей, отпавляясь от такой научной традиции, которая стремится одновременно к критичному отношению к обществу и к солидарности с человеческой субъективностью, то в ходе работы его ждут кризисы самопонимания. “Ведь фантазии и проекции, заключенные в абстрактных интенциях, таких как критичность и солидарность, в ходе... биографического интервью... разбиваются об исторические взаимосвязи, и тогда от исследователя требуется некоторая доля самовосприятия, в качестве средств защиты от которого удобно прибегать к академизму (дистанцирование от объекта) или популизму (документирование реальной жизни). Эти соблазны сильны, ведь то, что рушится, – это и добрая доля собственных изначальных познавательных интересов и мотиваций самого исследователя”.

Как видим, осуществление проекта по устной истории – занятие отнюдь не безобидное для самого исследователя. Оно может обернуться проблемами не только практическими, но и внутриличностными. Впрочем, Нитхаммер полагает, что ему удалось найти способ “избегать таких ложных альтернатив и вместо этого отнестись к самовосприятию исследователя как к критичному познавательному инструменту и как к шансу покинуть башню из слоновой кости, не впад при этом в ложные идентификации”.

Вторая тема – отношения устной истории с историей “обычной”. Устная история, пишет автор, – не просто другая техника получения данных; она бросает “обычной” истории вызов, который содержит в себе и принципиальные элементы. Устная история, в

разных своих проявлениях, это история жизни (имеется в виду биографический подход к объяснению социальных феноменов), это история повседневности (но не столько ее устойчивых структур, сколько того, как, справляясь с повседневными обстоятельствами жизни и труда, люди реагировали на зависимость этих обстоятельств от социальных и политических изменений), это история с других точек зрения (автор говорит о “сопротивляемости интервью по отношению к упрощающим обобщениям”: оказывается, если спросить самих рабочих, то их опыт предстает часто совсем не таким, каким его описывают академические историки, и прежде всего не таким однородным). “Среди таких упрощающих обобщений, – признает руководитель проекта, – были не в последнюю очередь и наши собственные, возникшие из-за того, что перспектива исследователя была далека от перспективы изучаемых субъектов”. Еще одна особенность устной истории – это то, что она представляет собой не столько историю внешних по отношению к человеку событий, сколько “историю жизненного опыта”. В ретроспективном интервью, правда, эта история раскрывается с трудом, потому что те толкования, которые высказывают респонденты, в большинстве случаев отражают то, что они знают сегодня, и невозможно полагаться на их нынешние воспоминания о том, что имело для них ценность в прошлом. Но многие важные моменты из пережитого люди вспоминают в законсервированном, как бы неосмысленном, неистолкованном виде. Вместе с тем в воспоминаниях существуют и латентные интерпретативные паттерны, которые относятся еще к прежним, частично преодоленным, но частично сохраняющим свое действие установкам. Подобные паттерны можно – по крайней мере, иногда – связать с определенными контекстами былого жизненного и социального опыта. Интерпретация ответов респондентов может быть расширена до масштабов социальной истории человеческого жизненного опыта в той мере, в какой исследователю удастся путем анализа многочисленных интервью продемонстрировать регулярность таких установленных соответствий и способов переработки в продольном хронологическом разрезе и упорядочить их с позиций социальной истории.

Рассуждая о способе, которым устная история “производит” свой источник, Лутц Нитхаммер указывает на огромное значение самой ситуации интервью – специфического сочетания ожиданий участников, социальной обстановки, интерактивной процедуры, цели встречи. Биографическое интервью-воспоминание, пишет он, имеет некоторое сходство и с социологическим интервью, и с судебным допросом, и с психоаналитическим сеансом, однако обладает и важными отличиями от них. Черты сходства и различия между этими ком-

муникативными ситуациями рассматриваются во вводной статье сборника очень обстоятельно.

Не менее обстоятельно анализирует Нитхаммер и проблематику обработки магнитофонных записей интервью. Отмечая, что при переносе с пленки на бумагу рассказ респондента утрачивает значительную долю нюансов, выраженных интонацией, паузами, тембром голоса и другими акустическими средствами, которым нет графических соответствий, автор подробно разбирает способы протоколирования, позволяющие, с одной стороны, максимально сберечь своеобразие каждого рассказа, а с другой стороны – сделать его максимально пригодным для последующего анализа и использования при подготовке публикации: краткое изложение данных, резюме интервью, индексацию сообщений в нем фактических сведений, выписку из него “историй”.

В результате длительных работ по формированию вопросника, поиску респондентов, проведению интервью с ними (обычно с каждым по два раза), обработке протоколов и сопоставлению множества высказываний возникает исследование, которое не претендует на обобщаемость, фактическую точность и статистическую репрезентативность своих данных. Каков же тогда полезный эффект столь многотрудного предприятия? С точки зрения традиционной позитивистской историографии, он, возможно, кажется незначительным. Однако Лутц Нитхаммер и его коллеги, занимаясь устной историей, ставят себе в принципе иные цели. С их точки зрения, “изучение прошлого служит расширению нашего восприятия и корректировке искаженной при передаче информации, а также дает – наряду с развлечением и наглядными примерами – прежде всего осознание и немножко свободы. Для этой цели годится помимо измеримой точности и всякая разумная стратегия, которая в своих высказываниях отражает материал познания и путь, каким знание было получено”¹⁸.

* * *

И последнее соображение, возникающее при сопоставлении этих двух, таких разных, книг по устной истории. В сороковые годы многие их персонажи встречались друг с другом. Люди, названные и не названные в этих книгах поименно, – солдаты и гражданские, эсэсовцы и дезертиры, военнопленные, подневольные рабочие, узники гетто и охранники, оккупанты, партизаны, коллаборационисты, беженцы, победители и побежденные, – все они могли встречаться на дорогах Второй мировой войны, в концлагерях на территории Германии, Польши или Советского Союза. Они могли видеть друг друга, нести друг другу смерть или помощь, страдание или сочувствие. И мы теперь можем несколько иначе представить себе эти встречи, представить себе не анонимных и безликих “немцев” и “наших”, а живых людей, о которых мы больше узнали благодаря этим двум книгам.

- ¹ Рабочее (возможно, не окончательное) название книги, сообщенное издательством на момент сдачи статьи в печать.
- ² Томпсон П. Устная история. Голос прошлого. М., 2003.
- ³ *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним: В 7 кн. Тверь, 1999. Кн. 3. С. 6.
- ⁴ Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956. New Haven, 1994. Рус. изд.: Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия, 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997.
- ⁵ Горелик Г. Андрей Сахаров: Наука и Свобода. Ижевск, 2000 (2-е изд., перераб.: М., 2004).
- ⁶ <http://www.inst.ru/projects/sohist/>
- ⁷ <http://oralhist.karelia.ru/>
- ⁸ Устная история в Карелии. Сборник научных статей и источников. Петрозаводск, 2006. Вып. 1 / Науч. ред. А.В. Голубев, А.Ю. Осипов; 2007. Вып. 2: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и научн. ред. И.Р. Такала, А.В. Голубев; 2007. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944 гг.) / Науч. ред. А.В. Голубев, А.Ю. Осипов.
- ⁹ <http://www.konkurs.memo.ru/method/Konkurs.htm>
- ¹⁰ Подробнее см.: <http://wivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/PROF.HTM> и http://www.echo-net.ru/2003/russian/str_35.html. Тезисы докладов были размещены в Интернете по адресу: www.adit.museum.ru
- ¹¹ Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004.
- ¹² Подробнее см.: <http://www.newlocalhistory.com/work/konf200504.php> и <http://www.igh.ru/intellect/vestnik/vol10/part6.htm>
- ¹³ Берлинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.
- ¹⁴ Устная история и биография: Женский взгляд / Ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина. СПб., 2004.
- ¹⁵ Чериковер И. Антисемитизм и погромы на Украине, 1917–1918. Берлин, 1923. С. 1 и сл.
- ¹⁶ Предполагается, что опросы в большинстве случаев велись на идиш, а перевод на русский производился либо в момент записи, либо при подготовке документов для публикации в 20-е годы. Исходя из этого, сегодня издатели сборника полагают, что среди русскоязычных документов есть переводы всех тех еврейских текстов, которые хранятся в архиве. В некоторых документах сохранилась стилистическая и фактическая правка, которая свидетельствует о том, что ценилась не столько аутентичность этих рассказов, сколько их удобочитаемость и точность сведений. Это позволяет предположить, что публикуемые “показания” могут достаточно сильно отличаться от того, что и как рассказывали люди.
- ¹⁷ Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet, 1930–1960. 3 Bd. / Hrsg. von L. Niethammer, A. von Plato. B.; Bonn, 1983–1985: “Die Jahre weiß man nicht, wo man die heute hinsetzen soll.” Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet. 1983; Bd. 2: “Hinterher merkt man, daß es richtig war, daß es schiefgegangen ist.” Nachkriegserfahrungen im Ruhrgebiet. 1983; Bd. 3. “Wir kriegen jetzt andere Zeiten”. Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern. B.; Bonn, 1985, а также в кн. Niethammer L., Plato, A. von, Wierling, D. Die volkseigene Erfahrung. Eine Archäologie des Lebens in der Industrieprovinz der DDR. 30 biographische Eröffnungen. B., 1991.

¹⁸ Отклоняясь от традиционной схемы рецензии, мы не будем здесь обстоятельно разбирать достоинства и недостатки обсуждаемой книги. О достоинствах, мы полагаем, читатель смог уже составить себе некоторое представление по приведенному выше обзору ее содержания; что же касается недостатков, то в глаза бросаются только чрезвычайно громоздкий стиль изложения, отдельные неточности вроде “КПСС(б)” вместо “ВКП(б)” или “Красная армия” вместо “Советской” (в период после 1946 г.) и разнобой в именах и фамилиях одних и тех же респондентов, упоминаемых в разных статьях. При подготовке перевода редактор и переводчик постарались сгладить эти шероховатости.

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes. 2002. T. 106, N 2.

Было бы излишне напоминать о том, что ночь занимала важное место в сознании и воображении Средневековья. Жан Делюмо, посвятивший этой теме немало страниц в своем классическом труде “Грех и страх на Западе в XIII–XVIII вв.”¹, рассматривал ночь как “главную составляющую страха”. Восприятие ночи оказывается важной и изменчивой характеристикой сознания человека в разные эпохи. Эта тема тянет за собой целый шлейф других тем, касающихся различных представлений, эмоций, переживаний, верований, весьма существенных для понимания средневекового мирозерцания. Жильбер Дюран, изучавший структуры воображаемого, даже предпочитал говорить о так называемых “ночном” и “дневном” режимах человеческой психики². В известном обобщающем труде Жана Вердона³ предпринята попытка рассмотреть тему ночи в разных аспектах: в психологическом, т.е. в контексте истории человеческих эмоций и представлений, и в социальном – как проблему контроля над ночным временем, с которой власть и общество должны были постоянно сталкиваться.

Совершенно иной подход к изучению этой интригующей темы демонстрируют авторы сборника “Воображаемое ночи”, изданного под редакцией известных французских литературоведов Ж. Дюфурнэ и Ф. Дюбо. Издатели и авторы труда исходят из следующей предпосылки: в героических песнях и рыцарских романах наиболее содержательные и эмоционально насыщенные эпизоды всегда происходят ночью. Именно поэтому французские филологи решили изучить поэтику ночи, роль ночных эпизодов в нарративной и смы-